
АРМЕНИЯ В АНТРОПОИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

АНАИТ ХУДАВЕРДЯН

Антропологические данные уже давно зарекомендовали себя как надежный исторический источник. Объективные суждения об этнических процессах, протекавших на территории Армении, трудно представить без включения в исторические реконструкции палеоантропологического материала. Комплексный анализ палеоантропологических изысканий позволит нам разметить пути и направления взаимодействия некоторых этнических групп с древним населением Армении. Обращение к этой теме было вызвано рядом предшествующих работ¹, показавших участие коренного населения Армении, Ближнего Востока и Кавказа в формировании антропологического облика некоторых племен при их расселении на широком пространстве, а также желанием проследить, как глубоко уходят корни местного субстрата. Как источник дополнительной информации результаты исследования представляют определенный интерес в связи с дискуссией о происхождении индоевропейцев и о месте их прародины.

В межгрупповых сопоставлениях нами использовались краниологические серии по разным археологическим культурам Евразии, датируемые эпохами неолита и бронзы (356 серий). В числе сравнительных серий: 41 группа из Ближнего Востока, 16 – из Центральной Азии, 36 – из Кавказа. Волго-Уральский материал включает 81 серию, 10 групп из Западной Сибири. Европейских серий использовано 172 (48 – из Восточной Европы и 124 – из Центральной). Данные о сериях с территории Евразии взяты из сводки А. Ю. Худавердян², И. Швидецкой и

¹ А. К h u d a v e r d y a n. Indo-Europeans Migrations: the Origin, Moving from the Point of View of Anthropology. – “Indian Journal of Physical Anthropology and Human Genetics”, vol. 27, № 1–2, 2008, pp. 183–200; А. Ю. Х у д а в е р д я н. Индоевропейские миграции и средиземноморцы Сибири. – «Известия Уральского государственного университета», 2010, № 4, с. 138–147; она же. Древнейшие общности Кавказа – в диалоге миров (антропологический этюд). Germany, 2011, с. 22–54; А. К h u d a v e r d y a n. Migrations in the Eurasian Steppes in the Light of Paleoanthropological Data. – “The Mankind Quarterly”. Washington, vol. LI, № 4, 2011, pp. 387–463; А. К h u d a v e r d y a n. Indo-European Migrations: their Origin from the Point of View of Odontology. – “The Anthropologist” (Indian), vol. 13, 2011, pp. 75–81; А. К h u d a v e r d y a n. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations of Populations Armenian Highlands and Eurasian Using Craniological and Dental Nonmetric Traits. – “Asian Culture and History”, vol. 4. Toronto, 2012, № 2, pp. 48–68.

² А. Ю. Х у д а в е р д я н. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван, 2009, с. 175–196, 240–255.

Ф. Рёзинга³. Мы остановились на нескольких методах многомерного статистического анализа (канонический и кластерный). Каждый вид анализа давал возможность осветить те или иные стороны проблемы. Канонический анализ позволил выявить градиенты межгрупповой изменчивости по комплексам признаков⁴. Кластерный анализ матрицы коэффициентов обобщенного расстояния D^2 Махаланобиса, полученных при попарном сопоставлении всех серий, позволяет выделить скопления сходных между собой групп (кластеры) и вскрыть иерархическую структуру всей совокупности. В работе оцениваются и обсуждаются минимальные значения D^2 (как правило, до 1,0), полученные при анализе групп по полной программе, а по неполному набору признаков – до 0,3. Проведен семиэтапный (для мужских групп) и пятиэтапный (для женских групп) анализ краниологических серий с территории Евразии. Была использована статистическая программа А. Г. Козинцева и Б. А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Санкт-Петербург).

История антропологического изучения Армении знает несколько страниц, когда довольно остро стояла проблема сходства местного древнего населения с северными европеоидами. Каждый из исследователей, столкнувшийся с ней, решал ее по-своему. В. В. Бунак⁵, зафиксировав сходство севанцев с северными европейцами, готов был привести последних на берега оз. Севан в эпохи поздней бронзы и раннего железа. В этом ракурсе рассматривались В. П. Алексеевым и Р. А. Мкртчян⁶ материалы куро-араксской культуры. Т. А. Трофимова⁷ морфологическое сходство фатьяновцев с южными европеоидами из Армении и Ближнего Востока считает результатом продвижения в Нижнее Поволжье групп из Передней Азии. Морфологическое сходство между северными и южными европеоидами, отмеченное в краниологических исследованиях⁸, нашло свое отражение, причем совершенно четкое, и в

³ I. S c h w i d e t z k y, F. R ö s i n g. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. – “Homo”, 1990, № 40, S. 4–45.

⁴ В. Е. Д е р я б и н. Многомерная биометрия для антропологов. М., 1983; он же. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. Канонический анализ против главных компонент. – «Вестник антропологии», вып. 4, 1998, с. 30–67.

⁵ В. В. Бунак. Черепа железного века из Севанского района Армении. – «Антропологический журнал», вып. 3, т. 17, 1929, с. 64–87.

⁶ В. П. Алексеев, Р. А. Мкртчян. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-араксской культуры. – «Советская этнография», 1989, № 1, с. 127–134.

⁷ Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. – «Советская этнография», 1949, ¹ 3, с. 37–73.

⁸ В. П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 88–90, 96–101; Т. И. Алексеева, С. И. Круц. Древнейшее население Восточной Европы. – В кн.: Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999, с. 268; С. Г. Ефимова. Население Восточной Европы в эпоху железа и поздне римское время. – В кн.: Восточные славяне. Антропология и этническая история, с. 292; Н. А. Дубова. Миграции и торговля: антропологические заметки. – «Краткие сообщения Института археологии РАН», вып. 223, 2009, с. 224–243; она же. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке). – В кн.: Человек: его биологическая и социальная история, т. 1. М. – Одинцово, 2010, с. 67–78.

одонтологических данных⁹. Однако объяснение этому факту В. Ф. Кашибадзе видит «не в поздних миграциях больших групп населения и уж тем более не с севера на юг, а скорее наоборот, – в признании факта дивергенции исходной древней прапопуляции на южную и северную группы»¹⁰. Исследователь считает, что в одних случаях этническая дифференциация могла происходить в среде носителей единого и, таким образом, более древнего морфологического субстрата (нулевой одонтологический вариант, южный грацильный тип), а в других ситуациях одинаковый фенетический комплекс мог формироваться в поздние сроки конвергентно, в том числе под воздействием средовых факторов, в уже сложившихся этнических группах (горный одонтологический комплекс).

А. В. Зубова¹¹, проанализировав состав ямного населения Калмыкии, Астраханской области и Украины, сделала вывод о морфологической неоднородности ямников. Ведущую роль в формировании комплекса их одонтологических характеристик исследователь видит в грацильном населении южного происхождения. А истоки морфологических особенностей этого грацильного субстрата, по мнению исследователя, лежат в среде населения Малой, Передней и Средней Азии.

Сравнительный анализ краниометрических признаков позволит также независимым образом проверить дискуссионную гипотезу о наличии в составе елунинского и андроновского населения Алтая компонента южного происхождения. По мнению К. Н. Солодовникова¹², большинство морфологических аналогий европеоидному компоненту в составе населения каракольской, елунинской и чахольской культур

⁹ Р. У. Гравере. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов. – В кн.: Восточные славяне. Антропология и этническая история, с. 205–218; В. Ф. Кашибадзе. Одонтологические данные к антропологической истории Кавказа. – «Этнографическое обозрение», 2006, № 5, с. 117–133; А. В. Зубова. Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных. – «Вестник археологии, антропологии и этнографии», 2010, № 2, с. 85–95; A. K h u d a v e r d y a n. Indo-European Migrations: their Origin from the Point of View of Odontology, pp. 78–81; A. K h u d a v e r d y a n. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations ..., pp. 60–64.

¹⁰ В. Ф. Кашибадзе. Указ. раб., с. 120.

¹¹ А. В. Зубова. Указ. раб., с. 94.

¹² К. Н. Солодовников. Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии. – Автореф. дисс... канд. ист. н. Барнаул, 2006, с. 13–15; он же. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы. – В сб.: Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007, с. 145–150.

обнаруживаются в краниологических материалах эпохи бронзы Армении (Шенгавит, Лчашен, Севан). И. И. Гохман¹³, изучивший окуневскую краниологическую серию из Тувы, В. А. Дремов¹⁴, исследовавший доандроновские группы из Приобья, а также некоторые афанасьевские, высказали предположение об участии южных европеоидов, в частности их гиперморфного варианта, в формировании древнего населения Северной Евразии. По одонтологическим данным население андроновской культуры Алтая характеризуется как европеоидная, генетически связанная с группами южного происхождения¹⁵. А. Г. Козинцев¹⁶ группы, у которых исследователи обнаружили южноевропеоидный компонент (племена культур окуневской, елунинской, самусьской, афанасьевской, андроновской), считает выходцами из степей Южной России, Украины и Западной Европы.

На настоящем этапе развития науки система краниометрических признаков (а также краниоскопических, одонтологических фенотипических маркеров) способна перекинуть прямой мост из настоящего в прошлое, каким бы далеким оно ни было, и представить ценнейшую информацию об антропологической истории Армении и связях с древними популяциями Евразии.

Территория Армении с эпохи ранней бронзы была заселена представителями средиземноморского типа¹⁷. В эпоху бронзы основное население Армении представляло собой модификации долихокранного краниологического типа со среднешироким и выше среднего по высоте лицом, сильной горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей. Наблизжайшие к армянским антропологические формы зафиксированы в кавказских, в переднеазиатских и среднеазиатских краниологических сериях. Наиболее близкие формы этой разновидности установлены в Египте и Северной Индии. Аналогичные

¹³ И. И. Гохман. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов. – В кн.: Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. М.–Л., 1980, с. 5–34.

¹⁴ В. А. Дремов. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997, с. 67–89.

¹⁵ С. С. Тур. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая. – «Известия АлтГУ», 2009, ¹ 4, с. 228–236.

¹⁶ А. Г. Козинцев. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов. – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2008, ¹ 4, с. 140–144; о н же. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой). – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2009, ¹ 4, с. 125–136.

¹⁷ М. Г. Абдушелишвили. Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982, с. 62–63; А. Ю. Худавердян. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы, с. 171.

данные были получены раньше¹⁸. И. В. Перевозчиков¹⁹ сделал попытку оценки интенсивности генного потока в древности (мезолит-бронза). Проведенный дискриминантный анализ 380 серий подтверждает, что взаимный поток существовал в наибольшей степени между северными и южными европеоидами, далее между монголоидами и северными европеоидами (взаимный поток между южными европеоидами и монголоидами практически отсутствовал). Следовательно, определенное типологическое сходство населения Кавказа и многих степных групп Восточной и Западной Европы этого же времени отрицать нельзя.

Сопоставление между собой краниологических серий из степей Восточной Европы и Кавказа обнаруживает «сетевидный» характер сходства, который может быть вызван наличием в их составе не просто морфологически близких но, видимо, родственных по происхождению компонентов. Выделенные векторы-дискриминаторы дифференцируют весь массив сравниваемых серий по высоте лица, носа и орбит, а также ширине головы, лица и тех же орбит и углам выступания носовых костей. В населении любой культуры бронзового века степной зоны представлены в разном соотношении как гипер-, так и гипоморфные компоненты и промежуточные между ними по этому признаку. Удельный вес последних в степях Русской равнины со временем возрастает²⁰. Вероятно, их носители были в основном потомками выходцев из Ближнего Востока. По мнению П. Балареск²¹ в соавторстве с другими учеными из Лестерского университета, более 80% Y-хромосом европейцев произошли от пришедших извне земледельцев. Генетическое разнообразие R-M269 встречается чаще по мере продвижения на восток Европы, достигая пика в Анатолии. Не следует сбрасывать со счетов также участие, особенно на территории Приазовья и Предкавказья, майкопских и куро-араксских племен, живших там с III тыс. до н. э.²² и принадлежавших к средиземноморскому типу.

¹⁸ Р. М. К а с и м о в а. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960, с. 36–44, 65–87, 120–129; М. Г. А б д у ш е л и ш в и л и. Указ. раб., с. 61–67; он же. Антропология древних и современных народов Кавказа. – В сб.: Горизонты антропологии. М., 2003, с. 248–265; В. П. А л е к с е е в, А. А. А с к а р о в, Т. К. Х о д ж а й о в. Историческая антропология Средней Азии. Палеолит – эпоха античности. Ташкент, 1990, с. 67–81; А. Х у д а в е р д я н. Древнейшие общности Кавказа – в диалоге миров, с. 46; А. K h u d a v e r d y a n. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations ..., pp. 58–59.

¹⁹ И. В. П е р е в о з ч и к о в. Проблема «третьей» расы. – В сб.: Горизонты антропологии. М., 2003, с. 97–101.

²⁰ А. В. Ш е в ч е н к о. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы. – В кн.: Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986, с. 121–215.

²¹ P. B a l a r e s q u e, G. R. B o w d e n, S. M. A d a m s et al. A Predominantly Neolithic Origin for European Paternal Lineages.– “PLoS Biology”, 2010, № 8, e1000285. doi:10.1371/journal.pbio.1000285.

²² Р. М. М у н ч а е в. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975, с. 140.

Предкавказские катакомбники оказываются самой узколицей группой катакомбного населения Восточной Европы. Довольно высокая внутригрупповая изменчивость признаков, существенные нарушения нормального их распределения свидетельствуют о ее антропологической неоднородности²³. Наиболее близки им морфологические аналогии с носителями куро-араксской культуры с территории Армении. Следует отметить, что как мужские, так и женские черепа Куро-Аракса Армении демонстрируют наиболее близкие связи с катакомбниками Калмыкии. Как правило, дендрограммы, построенные для мужских и женских совокупностей групп, имеют много отличий. В этих отличиях аккумулируется специфика формирования состава мужского и женского населения, определяемая как особенностями исторических событий в отдельных регионах, из которых происходят палеоантропологические серии, так и характером социальных, кровнородственных и брачных связей тех коллективов, антропологический состав которых отражают анализируемые материалы. На основании совпадения общих связей для мужских и женских групп можно предположить о наличии магистральной линии в генезисе морфологического состава населения.

В комплексе морфологических признаков, который фиксируется у катакомбников Украины, преобладают антропологические особенности, свойственные группам из Северного Кавказа (энеолит-бронза, Гинчи), Армении, Грузии (куро-араксская культура) и Туркмении (Атындепе, Карадепе, Геоксюр). Выявлены наиболее близкие параллели носителей эпох энеолит-бронзы из Северного Кавказа с катакомбниками Поднепровья. Куро-араксская суммарная мужская группа из Армении имеет близкую параллель с катакомбниками из могильника Верхняя Тарасовка (Нижнее Поднепровье)²⁴. Выявлена параллель женской куро-араксской группы из Грузии (суммарная серия) с катакомбниками из Нижнего Дона. Этот результат можно считать важнейшим в анализе, так как впервые на антропологических материалах удается достоверно связать катакомбников с южными европеоидами. Эти данные согласуются с выводами археологов²⁵ и лингвистов²⁶. Одни исследователи считают,

²³ А. В. Шевченко. Указ. раб., с. 173.

²⁴ А. Худавердян. Древнейшие общности Кавказа – в диалоге миров, с. 29.

²⁵ И. Н. Хлопин. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983, с. 66, 70; С. Ж. Пустовалов. Развитие скотоводческой экономики в Северном Причерноморье в эпоху неолита-поздней бронзы. – В кн.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь, 2002, с. 101–104; А. С. Назаров. Металлообработка у племен ямной и катакомбной культур степной зоны Причерноморья. – В кн.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – IV в. н. э.), с. 122–129.

²⁶ Вяч. Вс. Иванов. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока. – В сб.: У истоков цивилизации. М., 2004, с. 41–67.

что носители катакомбной культуры связаны по происхождению с индоариями (основанием для этой гипотезы были игральные кости в катакомбных могилах, сахамарана (соумирание), «красный траур» и т. д.)²⁷, другие – протохеттами²⁸ или греками²⁹. Следует отметить, что А. В. Шевченко³⁰, рассуждая о появлении обряда искусственной деформации головы у племен катакомбной культуры, считал, что эта традиция была занесена в степи Восточной Европы из Средиземноморья скорее кавказским путем, причем через ее конкретных носителей. Если следовать гипотезе, выдвинутой и разработанной Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым³¹, считающими прародиной индоевропейцев области Армянского нагорья и прилегающие территории, откуда часть племен проникает в Северное Причерноморье через Кавказ, а другая – через Среднюю Азию и Поволжье, то носителей катакомбного обряда следует отнести к той части протохеттских или арийских племен, которые одними из первых проникают в Причерноморские степи через Кавказ (не исключен и морской путь). Хотя исследователи связывают это движение с эпохой ранней бронзы, в данный процесс вполне укладываются и катакомбники. По последним данным Е. Н. Черныха³², ранние катакомбники датируются началом III тыс. до н. э. Следует отметить, что одонтологические данные подтверждают связи представителей южного грацильного типа (южных европеоидов) из Куро-Аракса Армении, Тель Леилан, Алтындепе, Сапаллитепе с катакомбниками Калмыкии³³.

Череп из Поднепровья, Украины (трипольская культура) и Армении (Куро-Аракса) оказались в одном кластере. Следует отметить, что нами ранее неоднократно были зафиксированы морфологические аналогии трипольских групп с кавказскими³⁴. Носители трипольской куль-

²⁷ Л. С. Клейн. Откуда арии пришли в Индию? – «Вестник Ленинградского университета», 1980, ¹ 20, с. 35–39; И. Н. Хлопин. Указ. раб., с. 122.

²⁸ В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966; Е. Е. Кузьмина. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

²⁹ D. W. Anthony. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton and Oxford, 2007, p. 79.

³⁰ А. В. Шевченко. Указ. раб., с. 179.

³¹ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

³² Е. Н. Черных. Формирование Евразийского «Степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии. – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2008, ¹ 3, с. 36–53.

³³ А. В. Зубова. Указ. раб., с. 90–91.

³⁴ А. Худавердян. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях населения Кавказа, Восточной Европы, Передней и Средней Азии в эпоху ранней бронзы. – Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Республике Армения. Ереван, 2000, с. 22; она же. Сравнительный анализ антропологических материалов эпохи ранней бронзы Армении и территорий Евразийского региона. – В кн.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.–V в. н.э.), с. 106; она же. К вопросу о древнем населении Кавказа и Евразии в эпоху ранней бронзы. – В сб.: Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2004, с. 134; она же. Древнейшие общности Кавказа – в диалоге миров, с. 22–23; A. Khudaverdyan. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations..., p. 57.

туры в целом характеризуются долихокранной черепной коробкой, с относительно крупными размерами мозгового черепа и средними размерами лицевого скелета, низкими формами орбит; горизонтальная профилировка лица и угол выступления носа у последних значительны. Следует отметить, что еще в 1975 г. М. С. Великанова³⁵ в составе трипольского населения зафиксировала средиземноморский компонент. У племен трипольской культуры из Румынии (Бильче-Злоте) зафиксированы ближайшие аналогии с группой Чатал Хуюк. Для групп с территории Иранского нагорья (Тепе-Гиссар II, Караташ), Египта (Бадари, Нага ет-Дер, Акмант, Нагада), Калмыкии (майкопская культура) и Дагестана (Гинчи) также отчетливы краниологические аналогии с трипольцами. Можно уверенно сказать, что с неолита значительная часть Европы была заселена из Ближнего Востока. Мы не утверждаем, что Армения (и Кавказ в целом) – единственный путь для таких связей. Была установлена роль Прикарпатья как связующего звена между областью трипольской культуры, Средиземноморьем и Малой Азией. Однако и Кавказ был одним из таких посредников. Антропологические данные согласуются с выводами археологов. По В. Г. Збеновичу³⁶ «трипольские племена ассимилировали энеолитическое население кавказского происхождения, продвинувшегося в Степь», и небольшие группы ямников. На продвижение на трипольскую территорию майкопских и куро-араксских групп указывают также Т. И. Алексева и С. И. Круц³⁷. Одонтологические наблюдения в данном случае демонстрируют некоторые совпадения. Популяции из Армении и Украины (трипольская культура) объединились по частотам 4-бугорковых форм на M¹, редукции hu на M² и бугорка Карабелли на M¹³⁸. О культурно-исторических контактах трипольского населения с племенами Кавказа свидетельствуют как импорты, так и проявления сходных традиций в их материальных культурах³⁹.

³⁵ М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, с. 96.

³⁶ В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974, с. 130; Т. Г. Мовша. К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутеньской общности с носителями культур Понтийской степи. – В сб.: Проблема археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2000, с. 49–52.

³⁷ Т. И. Алексева, С. И. Круц. Указ. раб., с. 268.

³⁸ A. Khudaverdyan. Indo-European Migrations: their Origin from the Point of View of Odontology, pp. 78–80; A. Khudaverdyan. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations ..., p. 63.

³⁹ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане. – Труды предварительных комитетов V AC в Тифлисе, I. М., 1882, табл. XVI, с. 571; А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Приереванский клад древней бронзы. – Краткие сообщения Института археологии, вып. 134, 1973, с. 122–127; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. – Материалы и исследования по археологии СССР, 1949, ¹ 10, с. 85–99; В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из ст. Урунской. – Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 76, 1959, с. 108–111; Д. Ленг. Армяне. Народ – создатель. Загадки древних цивилизаций. М., 2005, с. 79.

Краниологическая серия Чатал Хуюк демонстрирует с одной стороны близость с выборками культур кеми-обинской (Крым) и шнуровой керамики (Словакия), с другой – с черепами из могильников культур Куро-Аракса (Армении, Грузии /суммарные группы/) и намазга (Туркмения /суммарная группа/). У объединенной куро-араксской серии из Армении близкие параллели с черепами из могильников кеми-обинской культуры из Крыма. Эти данные также согласуются с данными археологов. Влияние куро-араксских и майкопских культур, по мнению С. Ж. Пустовалова⁴⁰, четко прослеживается в кеми-обинской культуре.

Результаты сравнения показывают, что черепа Верхнего Поволжья (поздние фатьяновцы) близки с куро-араксской группой Армении (Шенгавит). У суммарной куро-араксской серии из Армении также выявлены близкие аналогии с поздними фатьяновцами. Вслед за М. С. Акимовой⁴¹, Г. Ф. Дебецом⁴² отметим, что морфологические типы фатьяновской культуры, резко отличаясь от морфологического типа неолитической эпохи с той же территории, не могут рассматриваться как генетически связанные, что свидетельствует против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита. Выявленное сходство представителей Поволжья с группами Армении позволяет говорить, что в их основе лежал общий древний морфологический пласт. Это положение не ново – оно развивалось еще Т. А. Трофимовой⁴³. Зафиксирована также близость групп Иранского нагорья с краниологическими сериями фатьяновской культуры. При дискриминантном анализе выборки из могильников Среднего (Балановский) и Верхнего Поволжья (носители фатьяновской культуры и поздние фатьяновцы) образуют близкий локус с группой из Киша (Иран). В Балановском могильнике выступает тот же долихокраний, низкоголовый, относительно высоколицый с узким лицом и узким носом морфологический тип как и у субъектов из могильника Киш. С полной отчетливостью можно отметить, что у черепов фатьяновской культуры поздней группы также выступает тот же долихокраний, узколицый, высоколицый с сильно профилированным лицом и несколько пониженным переносом морфологический тип. К отмеченным сериям близка также группа из III слоя Тепе-Гиссара, которая по всем признакам строения черепа и лица бесспорно относится к тому же морфологическому средиземноморскому типу, но отличается несколько большей

⁴⁰ С. Ж. Пустовалов. Указ. раб., с. 104.

⁴¹ М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. – Труды института этнографии, т. I. М., 1947, с. 268–282.

⁴² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. – Труды института этнографии, т. 4. М.–Л., 1948, с. 179–204.

⁴³ Т. А. Трофимова. Указ. раб., с. 54.

широконосостью. Попутно нельзя не отметить, что группа из могильника Сиалк морфологически близка к черепакам фатьяновской культуры. Антропологические данные согласуются с выводами археологов и лингвистов⁴⁴. Сходство носителей культур лолинской и криволукской с южными европеоидами уже отмечалось⁴⁵. Выявлены аналогии лолинской группы с племенами культур Кура-Аракса (Шенгавит).

Результаты межгруппового статистического анализа на широком географическом и культурном фоне демонстрируют связи представителей Армении, Грузии (группы среднебронзового периода), Ирана и Средней Азии со срубниками Поволжья (Кривая Лука, Чистый Яр I, Н. Орлянка I, Новоселки) и Украины (плоские могильники). Обнаружены также ближайши́е аналогии срубников Волго-Уралья с более древними группами Армении, Кавказа и Средней Азии. У черепов Куро-Аракса Армении и Грузии обнаружены близкие аналогии со срубниками Волго-Уралья, Подонья, Украины (плоские могильники). Еще Г. Ф. Дебец⁴⁶ отмечал большую грацильность племен срубной культуры по сравнению с древнейшей и выделил среди ее носителей два антропологических типа – умеренно гиперморфный европеоидный и умеренно брахикранный монголоидный. В дальнейшем были представлены доказательства принадлежности срубников западных окраин ареала к кругу средиземноморских форм⁴⁷. Наличие средиземноморских компонентов отмечалось А. В. Шевченко⁴⁸ и А. А. Хохловым⁴⁹ у носителей срубной культуры Лесостепного Поволжья, а также Р. М. Юсупо-

⁴⁴ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. СПб., 1903; В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, с. 251–272; Н. Я. Марр. Из переживаний доисторического населения Европы. Чуваши-яфетиды на Волге. Родная речь – могучий рычаг культурного подъема. Скифский язык.– Избранные работы, т. 5. М., 1935, с. 204–205, 321–322, 331–371; П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чувашгосиздат, 1948, с. 75.

⁴⁵ А. А. Хохлов, Р. А. Мимоход. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время. – «Вестник антропологии», вып. 16, 2008, с. 44–70.

⁴⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. – Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Материалы и исследования по археологии СССР, т. 1. М., 1954, 142, с. 485–499.

⁴⁷ Т. С. Кондукторова. Антропологический облик племен территории Украины в эпоху бронзы. – Матеріали з антропології України, вип. 4, 1969, с. 33–56; Г. П. Зиневич, С. І. Круц. Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961–1963 рр.). Київ, 1968, с. 42–69; С. І. Круц. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины. – В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 222–231.

⁴⁸ А. В. Шевченко. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности. – В сб.: Проблемы антропологии древнего и современного населения Евразии. Л., 1984, с. 55–73; А. В. Шевченко. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы, с. 162.

⁴⁹ А. А. Хохлов. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья. – В сб.: Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология, ч. 2. М., 2000, с. 217–242.

вым⁵⁰ – в Южном Приуралье. Среди срубников бассейна Волги преобладают модификации долихокранного краниологического типа со среднешироким лицом и резко выступающим носом. Протоевропейский антропологический тип также зафиксирован у срубников Поволжья несколькими модификациями, различающимися по верхней высоте лица. Наиболее широколицыми среди срубников оказываются башкирские и волгоградско-астраханская серии. Горизонтальная профилировка лица, носовых костей и угол выступания носовых костей понижены в северных районах распространения срубной культуры. В лесной полосе Восточной Европы черепа с плоскатым лицом и довольно слабым выступанием носовых костей известны с глубокой древности⁵¹. Биологическими контактами с потомками неолитического населения лесной зоны следует объяснить, по-видимому, появление псевдомонголоидной комбинации признаков.

Раз срубная культура генетически связана со скифами, стало быть, является тоже ираноязычной. По мнению Л. С. Клейна⁵², черты кочевой скифской культуры восходят к катакомбной культурной среде (способ погребения скифов-царских, состав стада и т. д.), однако нет надежных оснований возводить вместе с ними к катакомбной культуре ираноязычные скифов. Важные компоненты скифской культуры (вооружение, искусство «звериного стиля» и т. д.) сформировались в VIII веке и первоначально в Центральной Азии или Южной Сибири⁵³. А некоторые черты искусства сложились под влиянием переднеазиатских культур⁵⁴. Ситуация классическая: корни одной из иранских культур исторического времени уходят в разные стороны.

У 34 срубных групп с территории Подонья, Волго-Уралья, Башкирии и Украины наиболее отчетливы краниологические аналогии со средиземноморцами Армении, Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Результаты нашего анализа подтверждаются суждениями А. В. Шевченко⁵⁵ и А. А. Хохлова⁵⁶ о том, что происхождение гипоморфных черт у

⁵⁰ Р. М. Юсупов. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья. – В сб.: Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989, с. 34–45.

⁵¹ Г. Ф. Дебец. Указ раб., с. 46, 87.

⁵² Л. С. Клейн. Происхождение скифов-царских по археологическим данным. – «Советская археология», № 4, 1963, с. 27–35; он же. Откуда арии пришли в Индию?, с. 37.

⁵³ В. А. Ильинская. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. – В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 9–29; М. П. Грязнов. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур. – В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983, с. 3–18; А. А. Ковалев. Происхождение скифов согласно данным археологии. – В сб.: Между Азией и Европой: Кавказ в IV – I тыс. до н. э. СПб., 1996, с. 121–127.

⁵⁴ М. И. Артамонов. Киммерийцы и скифы. От появления на исторической арене до конца IV в. до н. э. Л., 1974, с. 7–34.

⁵⁵ А. В. Шевченко. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности, с. 84.

⁵⁶ А. А. Хохлов. Указ. раб., с. 233.

носителей срубной культуры поволжской лесостепи вряд ли можно объяснить только эволюционно-эпохальными причинами. Мы разделяем мнение Н. А. Дубовой, о том, что схожесть срубников со средиземноморцами «свидетельствует о движении с юга (возможно, конечно намного в более раннее, чем бронзовый век время) в степные районы, чем из степей – в южном направлении»⁵⁷. И отвергаем идею кавказского пути первоначального движения иранцев (срубной культуры) из понтокаспийских степей – по западному берегу Каспийского моря через Закавказье в Иран⁵⁸. Цельность кавказского культурного блока была бы нарушена таким движением, а этого нет⁵⁹.

Происхождение андроновской культуры – одна из центральных проблем в истории индоевропейских народов. Индоиранскую или иранскую принадлежность данной общности можно считать доказанной⁶⁰. Андроновская культура делится на два варианта – федоровскую и алакульскую. Г. Ф. Дебец⁶¹ считал очагом их происхождения казахстанские степи, оттуда эти люди, по его мнению, продвинулись на Енисей. В. П. Алексеев⁶² отмечал, что енисейские андроновцы ведут происхождение от афанасьевцев Алтая. Происхождение населения андроновской культуры связывается с взаимодействием носителей нескольких краниологических комплексов, статус которых до сих пор является предметом дискуссий. Первым в его составе был описан андроновский вариант протоевропейского краниологического типа⁶³. На территории Западной Сибири дополнительно выделялось еще два компонента – лептоморфный долихокранный⁶⁴ и низколицый, отличающийся некоторой уплощенностью широкого лицевого скелета и тенденцией к брахикрании⁶⁵. У алтайских и верхнеобских андроновцев зафиксирован грацильный европеоидный компонент, который многие исследова-

⁵⁷ Н. А. Дубова. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке), с. 76.

⁵⁸ М. Н. Погребова. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977; И. В. Пьянков. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. – Переднеазиатский сборник. М., 1979, с. 193–207.

⁵⁹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 72–73, 112–113; М. И. Артамонов. Указ. раб., с. 10.

⁶⁰ Е. Е. Кузмина. Арии – путь на юг. М.–СПб., 2008, с. 94–114.

⁶¹ Г. Ф. Дебец. Указ. раб., с. 156.

⁶² В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы. – В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 337–385.

⁶³ Г. Ф. Дебец. Указ. раб., с. 156.

⁶⁴ Ю. Ф. Кирюшин, К. Н. Солодовников. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая. – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2010, №4, с. 122–142.

⁶⁵ Т. А. Чикишева, Д. В. Поздняков. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным. – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2003, № 3, с. 132–148.

тели связывают с южными европеоидами. Его присутствие В. А. Дремов⁶⁶ связывает с алакульцами, К. Н. Солодовников⁶⁷ – доандроновским, в частности, елунинским, субстратом. Прототип морфологической комбинации признаков, присущей для европеоидного компонента населения самусьско-сейминского времени Южной Сибири, по предположению К. Н. Солодовникова⁶⁸, мог находиться на территории Кавказа или прилегающих районов – в Закавказье или севернее, вплоть до степных районов Предкавказья. Позднее также была выдвинута гипотеза о связи носителей данного типа с представителями северной ветви европеоидной расы – ямным и катакомбным населением степей Прикаспия⁶⁹.

Результаты сравнения показывают, что черепа из могильников елунинской культуры Алтая сходны с племенами Куро-Аракса из Армении и Грузии. Существующие аналогии краниосерий из Закавказья и Горного Алтая объясняются проникновением каких-то групп степного населения, в антропологическом типе которых, безусловно, очень значительное место занимает средиземноморский компонент, на территорию Алтая. Подчеркнем специально, что миграция в сторону Казахстана и Сибири могла быть с территории Предкавказья и Приаралья⁷⁰.

Происхождение брахикранного эуриформного компонента в составе федоровцев особых дискуссий не вызывало. Предполагалось, что федоровские мигранты должны были вступать в брачные контакты с населением занимаемых ими территорий, и этим объяснялся легкий налет «монголоидности», фиксируемый в федоровских группах⁷¹. Больше вопросов вызывал таксономический статус наблюдаемого сочетания признаков, поскольку по-разному трактовалось происхождение расового типа автохтонного населения Западной Сибири. В. А. Дремов и К. Н. Солодовников⁷² относили его к монголоидной большой расе, а Т. А. Чикишева и Д. В. Поздняков⁷³ – к протоморфной северной евразийской антропологической формации.

⁶⁶ В. А. Дремов. Указ. раб., с. 95.

⁶⁷ К. Н. Солодовников. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – «Вестник археологии, антропологии и этнографии», 2005, ¹ 6, с. 127–147; Ю. Ф. Кирюшин, К. Н. Солодовников. Указ. раб., с. 140.

⁶⁸ К. Н. Солодовников. Население горного и лесостепного Алтая..., с. 22.

⁶⁹ А. Г. Козинцев. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию..., с. 134.

⁷⁰ А. Ю. Худавердян. Индоевропейские миграции и средиземноморцы Сибири, с. 145.

⁷¹ В. А. Дремов. Указ. раб., с. 93; Т. А. Чикишева, Д. В. Поздняков. Указ. раб., с. 147.

⁷² В. А. Дремов. Указ. раб., с. 168; Ю. Ф. Кирюшин, К. Н. Солодовников. Указ. раб., с. 124.

⁷³ Т. А. Чикишева, Д. В. Поздняков. Указ. раб., с. 147.

Люди, захороненные в могилах с алакульской или смешанной алакульско-федоровской керамикой на территории Западного Казахстана, характеризовались морфологическим типом, который В. В. Гинзбург⁷⁴ отнес к средиземно-морскому, а В. П. Алексеев⁷⁵ назвал их гипоморфным узколицым. В. В. Гинзбург считал, что это свидетельствует о родстве алакульцев как со срубным населением поволжских степей, так и с жителями Среднеазиатского междуречья. Следует также отметить сходство между популяциями из Западного Казахстана (Тасты-Бутака I) и Северо-Восточного Ирана⁷⁶. По мнению А. В. Зубовой⁷⁷, в формировании морфологического ядра алакульской культуры абсолютно доминирует южный грацильный компонент (южноевропейский).

Итак, с алакульцами Западного Казахстана в одном подкластере оказались группы из Северного Кавказа (энеолит-бронза), Украины, Поднепровья (катакомбная культура) и Среднего Поволжья (срубная культура: Студенцы). К ним примыкают краниосерии из Армении (Норадуз, суммарная серия позднебронзового времени). Выявлено также сходство черепов из Армении (Арцвакар), Средней Азии (Тигровая Балка, Джаркутан) с алакульцами Западного Казахстана, со срубниками Поволжья (Уранбаш, Кривая Лука) и Украины (плоские могильники). И здесь алакульцы оказались в одном кластере с южными европейцами и со срубниками Поволжья и Украины.

Результаты кластерного анализа указывают на родство андроновского населения Северо-Восточного Казахстана с племенами Северного Кавказа (энеолит-бронза). Обнаружены связи носителей андроновской культуры с группами из Средней Азии⁷⁸. Факторный анализ (по данным одонтологии) выявил сходство племен андроновской культуры Алтая с группой Алтындепе (Туркмения). Следует отметить, что андроновские аналогии зафиксированы также у представителей Туркменистана (Гонур Деппе)⁷⁹ и Армении⁸⁰.

⁷⁴ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. Захоронения могильника Тасты-Бутак в Актюбинской области. – В кн.: В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962, ¹ 120, с. 186–198.

⁷⁵ В. П. Алексеев. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры. – В сб.: Проблемы этнической антропологии Средней Азии, кн. 49, вып. 235. Ташкент, 1964, с. 20–25.

⁷⁶ В. П. Алексеев, А. А. Аскаров, Т. К. Ходжайов. Указ. раб., с. 97.

⁷⁷ А. В. Зубова. Одонтологические данные по проблеме происхождения алакульской культуры. – «Археология, этнография и антропология Евразии», 2011, ¹ 3, с. 143–153.

⁷⁸ В. И. Матюшенко. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Самусьская культура, ч. 2. – В кн.: Из истории Сибири, вып. 10. Томск, 1973, рис. 2, 3, 4, с. 120–129; Ю. Ф. Кирюшин, А. М. Малолетко. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979, с. 65, 78.

⁷⁹ Г. В. Рыкушина, Н. А. Дубова, Н. А. Суворова. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана. – В сб.: Наука о человеке и обществе. М., 2003, с. 130–140; С. В. Тур. Указ. раб., с. 235.

⁸⁰ A. Yu. Khudaverdyan. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations..., p. 63.

Результаты сопоставления свидетельствуют о ближайших связях федоровцев Горного Алтая, Верхней Оби с катакомбниками Калмыкии. Соответственно можно сделать вывод, что в состав федоровцев южноевропеоидный компонент попадает через представителей катакомбных традиций. Поздний этап существования катакомбных традиций в степях Прикаспия перекрывается с ранним этапом формирования федоровской культуры (датировки см.: Е. Н. Черных⁸¹), поэтому вхождение части катакомбников в состав племен федоровской культуры вполне вероятно. Следует также отметить, что часть волго-уральских племен (носители культур петровской, покровской, потаповской и алакульской), сходство с которыми наблюдается у федоровцев, также имела в своем составе позднекатакомбный компонент (см., напр.: В. В. Ткачев⁸², А. В. Зубова⁸³). Одонтологический анализ подтверждает сходство представителей Армении (Ланджик-Черная Крепость), Калмыкии (ямная культура), Южного Урала (приуральский вариант синташтинской культуры, алакуль степной полосы, синташтинская культура), Поволжья (племена покровской и петровской культур), Барабинской лесостепи (андроновской культуры). В составе этих серий отчетливо представлен грацильный одонтологический субстрат: повышенная встречаемость редукции h_u на M^2 , 4-бугорковых форм на M_1 , пониженная частота бугорка Карабелли на M^1 . Результаты одонтологических и краниометрических исследований в целом совпадают⁸⁴.

А. Г. Козинцев также указывает связь федоровских популяций с катакомбным населением Прикаспия⁸⁵. В статье с красноречивым названием «Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов» автор высказывает предположение, что в миграциях на восток узколикие светлопигментированные люди средневропейского и североевропейского происхождения играли роль не меньшую, чем протоевропейцы и наверняка большую, чем южные европеоиды.

Как же называть грацильных европеоидов Сибири? Широко известны и неоднократно описаны и опубликованы изображения людей на пазырыкском войлочном ковре. Большой интерес представляет антропологический анализ этих изображений. Сидящая в профиль богиня, всадники на скакунах, человеко-зверь, борющийся с птицей, имеют ярко выраженные средиземноморские черты лица (нос резко выступающий, с горбинкой, с опущенным основанием и кончиком; линия про-

⁸¹ Е. Н. Черных. Указ. раб., рис. 6, 10.

⁸² В. В. Ткачев. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007, с. 184.

⁸³ А. В. Зубова. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным. – «Вестник археологии, антропологии и этнографии», 2012, № 2, с. 70–78.

⁸⁴ A. Yu. Khudaverdyan. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations..., pp. 61–64.

⁸⁵ А. Г. Козинцев. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана..., с. 140–144.

филя носа типично переднеазиатская, с высокими ноздрями; густыми черными бровями). «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что это изображения людей не алтайского и не центральноазиатского происхождения, а скорее всего жители Передней или Средней Азии, потомки тех, кто переселился на Алтай, в Минусинскую котловину, Туву и Западную Монголию еще в эпоху бронзы»⁸⁶.

Мы не задавались целью дать полную картину взаимоотношений между различными группами Евразии. Лепта, вносимая данным исследованием в систему научных антропологических знаний, позволит определить место Армении в антропоисторическом пространстве Евразии. Проблемы переселения отдельных (малых или больших) групп населения на значительные расстояния – одни из базовых во многие периоды истории человечества. Для территории Армении (и Кавказа в целом) они имеют огромное значение. Археологические эпохи неолита-бронзы занимают особое место в процессах сложения населения Евразии. Именно в эти периоды имеют место активные перемещения народов. На археологическом материале, дающем нам основные материальные свидетельства тех эпох, движения предметов, их комплексов достаточно четко фиксируются. Аналитические разработки структурной лингвистики позволяют проследить очаги возникновения древних языков, а также изменения их ареалов. Однако в большинстве случаев перед исследователями встает вопрос: а не передаются ли артефакты, представления древних, языки просто в результате обмена, торговли, общения? И нередко единственно, кто может дать ответ на этот вопрос, это антропология, так как она, в отличие от других упомянутых дисциплин (археологии, лингвистики), способна подтвердить собственно физическую миграцию носителей культуры, языка и духовного мира. «Появление нового антропологического комплекса ... непременно говорит о примеси нового населения, так как комплекс этот распространяется при переселении людей либо в результате брачных контактов. В этом заключается громадное значение антропологического материала как тонкого индикатора миграции, особенно в древние эпохи, что невозможно выяснить с помощью данных других наук»⁸⁷.

Установленный наукой факт, что Ближний Восток в той или иной степени является предковым для огромного большинства современных популяций Европы⁸⁸. И те «гены или проявления их сочетаний в виде

⁸⁶ И. И. Г о х м а н, Л. Л. Б а р к о в а. Кто они? «Стережущие золото грифы» (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека). – В сб.: Горизонты антропологии. М., 2003, с. 422.

⁸⁷ В. П. А л е к с е е в. Историческая антропология и этногенез. М., 1989, с. 152.

⁸⁸ M. Richards, V. Macaulay, E. Hickey et al. Tracing European Founder Lineages in the Near Eastern mtDNA Pool. – "American Journal of Human Genetics", 2000, № 6, pp. 1251–1276; L. Chikhi, R. A. Nichols, G. Barbujani, M. A. Beaumont. Y Genetic Data Support the Neolithic Demic Diffusion Model. – "Proceedings of the National Academy of Sciences (USA)", 2002, № 99, pp. 11008–11013; P. Balaesque et al. Указ. раб.

морфологических (краниологических и одонтологических, в частности) характеристик или даже комплексов, которые свойственны, например, неолитическим популяциям Двуречья, могут, благодаря сложным путям передачи их по наследству, проявиться в различных областях, в том числе и в весьма удаленных»⁸⁹. С IV тыс. до н. э. представители южноевропеоидного облика проникают и обосновываются на Днестре (трипольская культура), в Крыму, Причерноморских степях (культуры кеми-обинская, катакомбная), в Подонье, Прикаспии (катакомбная культура) и в Поволжье (культуры абашевская, фатьяновская). И на рубеже II и I тыс. до н. э. долихоцефальные группы со среднеширокими и выше среднего по высоте лицом, сильной горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей были широко распространены на территории Европы. Среди восточноевропейских групп эти черты наиболее отчетливо проявляются у срубников Поволжья, Приуралья, Башкирии, Украины (плоские могильники) и Подонья (Ясырев). Выявлены также для представителей Армении, Кавказа, Передней и Средней Азии многочисленные параллели на территории Центральной Европы⁹⁰. Результаты нашего исследования оказывают небольшую поддержку концепции Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова⁹¹, Р. Д. Грея, К. Д. Энкинсона⁹², В. В. Иванова⁹³ и др. о миграции индоевропейцев с Армянского нагорья и прилегающих территорий.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ԲՐՈՆԶԻ ԴԱՐԱՇՐՋԱՆԻ ԵՎՐԱՍԻԱԿԱՆ
ՊԱՏՄԱՄԱՐԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ՏԻՐՈՒՅԹՈՒՄ

ԱՆԱՀԻՏ ԽՈՒԴԱՎԵՐԴՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ու մ

Հայաստանի բնիկների և եվրասիական մարդաբանական շարքերի հարաբերակցության հիմնախնդիրը ունի պատմամշակութային կարևոր նշանակություն և խիստ արդիական է: Բնակլիմայական պայմանները և տարածաշրջանի հաղորդակցության խիստ ցանցի առկայությունը նպաստել են Հայաստանի և հարևան երկրների փոխհարաբերությանը: Ոսկրա-

⁸⁹ Н. А. Дубова. Миграции и торговля: антропологические заметки, с. 229.

⁹⁰ А. Худавердян. Древнейшие общности Кавказа – в диалоге миров, с. 24–26, 29, 43–44, 48; А. Yu. Khudaverdyan. Indo-European Migrations: the Origin, Moving from the Point of View of Anthropology, p. 187; А. Yu. Khudaverdyan. Migrations in the Eurasian Steppes in the Light of Paleoanthropological Data, pp. 412–413, 421–444; А. Yu. Khudaverdyan. Bioarchaeological Analysis Mutual Relations, pp. 60–61; L. Harvig. Neolithization and the Human Body. –“EAA Summer School Book”, 2007, № 1, pp. 47–54.

⁹¹ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Указ. раб., с. 1–1328.

⁹² R. D. Gray, Q. D. Atkinson. Language-tree Divergence Times Support the Anatolian Theory of Indo-European Origins. – “Nature”, vol. 426, 2003, № 6965, pp. 435–439.

⁹³ В я ч. В с. И в а н о в. Указ. раб., с. 45–55.

բանական նյութի գիտական մշակման ժամանակակից մակարդակը հնարավորություն է տալիս ընտրել մի շարք մեթոդներ, որոնք առավելագույնս նպաստում են հետազոտվող խնդրի պարզաբանմանը: Ձեռք բերված տվյալները դասակարգելիս կիրառվել են բնական գիտություններում օգտագործվող կանոնական, կլաստերային մեթոդները: Հենվելով գանգաբանական հատկանիշների վրա՝ տրվել է Հայաստանի տեղը Եվրասիայի խմբերի համատեքստում: Բացահայտվել է մարդաբանական շարքերի հոսք Մերձավոր Արևելքից, այդ թվում՝ Հայաստանից և Կովկասից դեպի Եվրոպա: Ստացված արդյունքները համադրելի են Առաջավոր Ասիայի արևելյան մասերում (Հայկական լեռնաշխարհի և հարակից տարածքներ) հնդեվրոպացիների նախահայրենիքի գտնվելու մասին տեսությանը:

ARMENIA IN THE EURASIAN ETHNIC CONTEXT OF BRONZE AGE

ANAHIT KHUDAVERDYAN

S u m m a r y

New anthropological data allowed identification of alien Mediterranean characteristics influencing various ethnic Eurasian groups and revealed evidence of a migratory stream from Armenia, the Middle East, and the Caucasus. This research provided new evidence of patterns of ethnic contact and intermixture in Eurasia. This scenario is consistent with recent genetic studies supporting a Near Eastern contribution to the European gene pool (the great majority of the Y chromosomes of Europeans have their origins in the Neolithic expansion). If true, it suggests that the dispersal of the Indo-European languages may have involved a migration and some gene flow from the Armenia to the various historical seats of the Indo-European languages, and the different rates of genetic drift and external gene flow may have contributed to morphological differentiation and diversification amongst the different Eurasian populations. It is easy to explain this extensive movement by the Mediterraneans in antiquity by demographic pressure, starting with the emergence of Asia Minor as a center and the development of a production-oriented economy. The anthropological facts revealed also have a historical basis, as the distribution of genetic markers mirror the mixture of tribes and is supported by concrete historical and cultural phenomena.